

Красная звезда

Ветеран Карельского фронта

Сдерживание немецких войск в Заполярье вплоть до 1944 года сыграло немалую роль в ходе Великой Отечественной войны и в деле защиты Ленинграда в годы блокады.

Мурманский порт имел стратегическое значение: он не замерзал. Сюда приходили караваны кораблей с оружием, техникой, продовольствием. Стремясь перекрыть дорогу поставкам, идущим из Англии и США, фашисты бросили в Заполярье свои лучшие армии, имеющие опыт захвата Норвегии и других северных стран. Немцы контролировали дороги, ведущие в Мурманск. Им удалось выйти к реке Западная Лица, откуда до Мурманска было всего 25 км. Город постоянно бомбили, обстреливали из тяжелых орудий. Остановить эту лавину было крайне трудно.

Полковник в отставке Иван Гаврилович Тоцкий, воевавший на Карельском фронте, вспоминает: «Наши войска буквально зарывались в скалы, в горные хребты и сопки. Артиллеристы и минометчики постоянно меняли позиции. Наши батареи наносили удары по немцам неожиданно. Тысячи гитлеровцев нашли свой конец в мурманской земле. На кладбище в Пятсамо насчитывается 10 тысяч крестов, а под каждым – сотни убитых фашистов.

Район Западной Лицы немцы называли «долиной смерти».

В начале 1944 года войска Карельского фронта пошли в наступление, освобождая Край-

ний Север. За три года враг хорошо укрепился, построил мощные оборонительные сооружения, бетонированные огневые точки. Между озер, рек и болот были возведены целые крепости. В конце 1944 года немцы были разгромлены и изгнаны из Советского Заполярья.

На Карельском фронте воевали и наши известные земляки: майор в отставке Александр Хасанович Мухаммедов (ныне покойный) и полковник в отставке Александр Петрович Винокуров (оба связисты). Все трое, кроме прочих наград, имеют медаль «За оборону Советского Заполярья». Стоит отметить, что 6 мая 1985 года Мурманску было присвоено звание «Город-герой».

В 1952 году Иван Гаврилович Тоцкий снова оказался в местах жестоких боев, выполняя задание по разминированию Мурманской области. В 1958 году с колонной автомобилей отправился на уборку урожая в Павлодарскую область. Был награжден медалью «За освоение целинных земель». Иван Гаврилович – кавалер ордена Красной Звезды, Отечественной войны II степени, имеет 18 медалей.

Семь лет он возглавляет одну из лучших в нашем районе ветеранскую организацию в Кузьмоловском, объединяющую более двух тысяч

ветеранов. Отдавая дань уважения И. Г. Тоцкому как защитнику Родины, всей его деятельности в послевоенное время, учитывая его большой авторитет среди земляков, кузьмоловские депутаты обращаются с рекомендацией рассмотреть кандидатуру Ивана Гавриловича Тоцкого на присвоение ему звания «Почетный гражданин г. Всеволожска и Всеволожского района».

Такая трудная судьба

Живет в Кузьмоловском блокадница Екатерина Моисеевна Абакумова — 1911 года рождения. Много горя выпало ей за долгую жизнь. Рассказала об этом ее дочь Галина Михайловна, тоже блокадница, в прошлом химик, а теперь пенсионерка, член Кузьмоловского Совета ветеранов. Её мама — маленькая, худенькая добрая женщина. Такой помнит Галина Михайловна ее с детства и до сих пор, удивляется, как перенесла она все ужасы блокады, как спасала детей и верила: выживем, выживем...

В 1936 году приехала Екатерина Моисеевна в военный городок Гарболово на стройку из Брянской области. Красивая, веселая. Сразу заметил ее Михаил Абакумов и ни на шаг не отходил с первого дня. Сыграли свадьбу, а в 1939 году родился сын Анатолий. В октябре 1941 года ждали уже второго, был повод для радости, но пришла беда. 8 сентября замкнулось кольцо блокады вокруг Ленинграда.

Немцы были уже совсем близко. Женщин и детей решили вывезти на машинах в Шлиссельбург, чтобы эвакуировать. Но не успели. Уже горела Дубровка. Под обстрелом повернули на Ленинград. Там, в Удельной, в кирпичной школе поселили 300 семей — женщин, стариков, детей. Здесь 9 октября 1941 года и родился второй сын Екатерины Моисеевны — Алексей. До 16 декабря жили в этой школе, без отопления, без воды. А зима установилась уже в ноябре. Своим телом согревала Катя маленького, закутив в разные тряпки. В бомбоубежище не спускались. Молили Бога, только на него и надеялись. А 125 г хлеба получить не могли — не давали по областным карточкам. Получали немного чечевичной похлебки — и все. Дети, старики умирали один за другим. Катя с двумя малышами решила вернуться домой, в Гарболово. С Финляндского вокзала шел поезд. Окна забиты фанерой, в вагоне гуляет ветер и так же холодно, как на улице. Мороз и выюга встретили их на вокзале в Грузино. Там тоже ни души, вокзал заколочен, а до Гарболово еще 4 км. Уж и не думали живыми добраться.

К счастью, встретила знакомая женщина. С малышами на руках, по сугробам, промерзшие до костей, побрели в Гарболово, с трудом угадывая занесенную снегом дорогу.

Квартира была пуста, остатки продуктов исчезли. Потолок, стены покрыты инеем. Натаскали сучьев, мусору, затопили печку. Холод и голод, однако, убили маленького Алешу. Он умер 19 января 1942 года.

Позывной «Сокол»

Сазонова Нина Ивановна, родилась в 1923 году в Ленинграде, после учебы в 1940 году пошла на работу на военный завод. То, что она рассказала о своем боевом пути, записал Н. С. ЖУКОВ, пос. Кузьмоловский.

Грянула война, ленинградцы встали на защиту своего родного города. Защищать Ленинград ушли мужчины, женщины подростки, прибавляя себе возраст, чтобы попасть на фронт.

Тысячи добровольцев шли в военкоматы. Патриотизм был у всех. Нам пришлось перенести холод, голод, испытание тяготами военных лет.

На заводе выполняли военные заказы, изготавливали снаряды, гранаты. Ленинградские заводы перешли на военное положение. От завода нас направляли копать траншеи и противотанковые рвы в Волосово Ленинградской области. Строили оборонительные укрепления для дальнбойных орудий. Вот там-то впервые мы узнали, что такое война, там мы приняли боевое крещение.

Фашистские самолеты бомбили наши позиции, артиллерия обрушивала на нас снаряды, нельзя было поднять головы, лежали в траншеях, дрожали от страха и думали, что пришел конец нашей жизни. Земля от взрывов засыпала нас.

Нас, девушек, вернули на завод в Ленинград.

Мы дежурили на крышах домов, где тушили зажигательные бомбы, сброшенные фашистскими самолетами, дежурили в военных госпиталях, работали санитарками. Сердце сжималось при виде крови, смерти, искалеченных солдат и офицеров. Мы рыдали, видя изуродованные лица.

В суровом 1942 году пришлось хоронить умерших блокадников в братских могилах на Серафимовском кладбище. Привозили трубы на автомобилях, сбрасывали в траншеи без пробов. Это зрелище для нас было ужасным. Мороз по коже проходил.

Весной вышло Постановление правительства Ленинграда об очистке города от помоев, нечистот. Голодные, обессиленные ленинградцы скалывали лед, убирали и возили на саночках глыбы льда и даже трупы, погребенные во льду. Люди умирали везде.

Руки коченели от холода, мы ходили погреться в парикмахерскую на ул. Куйбышева и даже делали маникюр. Может быть, и смешно, но было и такое.

В мае 1942 года нас эвакуировали по Дороге жизни в Мордовскую АССР, там мы

В это время муж Кати воевал в районе Лемболово, а сама она работала на водонасосной станции. Воду возили на фронт. С ней ездил и двухлетний Толик.

Летом 1942 года в Гарболово передислоцировался банно-прачечный отряд и Екатерина Моисеевна перешла туда работать. Она стирала и обеззараживала одежду фронтовиков. Женщины руками крутили огромные барабаны с горячей водой, а потом специальными скребками соскабливали из швов нижнего белья распаренных вшей, которые плавали в серой мыльной воде. Воду приходилось часто менять. Было тяжело и до тошноты противно.

В феврале 1943 года у Екатерины родилась дочка Галина — муж приехал на побывку летом. Горевать или радоваться? Детей было теперь двое. Маленькую брала с собой на работу, а четырехлетний сынишка оставался один дома. Сердце матери замирало от страха за него.

Когда блокада была снята, отряд переехал на другое место, а Екатерину оставили сторожить дрова. Там они и жили до самой Победы.

Живут в Кузьмоловском. Екатерина Моисеевна совсем старенькая, ее дочь Галина Михайловна на пенсии, с ними муж Галины, есть еще внучка. Снятие блокады и День Победы - их самые большие праздники.

На фотографии Екатерина Моисеевна с внуками: Александр (в свитере) связист, сейчас в Антарктиде и Сергей (в морской форме) умер три года назад.

устроились на работу.

7 мая 1943 года меня призвали в Советскую Армию Мельцовским РВК. Нас привезли в Москву в батальон связи внутренних войск. Там я окончила курсы радиотелеграфистов 6 ноября 1943 года и была направлена в ГОМСП НКВД на должность радиотелеграфиста.

В полку мы несли караульную службу, в 1944 году нас отправили на Северный Кавказ в город Сахавюрт, затем в Закарпатье, Прибалтику и на заставу в г. Кузнецово.

Окончилась война. Сколько было радости, ликования: целовались, плясали, пели песни под гармонь. 6 октября меня демобилизовали из армии. Я приехала в родной Ленинград, встала на воинский учет в Ждановский РВК. Пошла работать на свой завод, в 1972 году переехала жить в пос. Кузьмоловский.

В 1979 году Всеволожский РВК выдал мне удостоверение № 83391 как участнику войны, а через два года при обмене удостоверения лишили звания участника войны. Сослались на то, что ГОМСП НКВД не входило в состав Фронта, и добавили, что документы НКВД сгорели во время пожара.

Мне 85 лет, я инвалид 2 группы, живу на маленькую пенсию. Награждена медалями: «За победу над Германией», «За оборону Ленинграда», «Знак блокадника» и семь юбилейных медалей.

Ладога и мама

Суровая наша Ладога, спасшая осажденный врагами, умирающий, но не сдающийся Ленинград... В суровые блокадные годы наша Ладога спасала детей и их матерей от смерти. Из поколения в поколение будет наше легендарное озеро символом подвига и материнской любви. Нам всем за семьдесят, детям блокады.

Знаем мы, наши дети и внуки историю блокады Ленинграда, Дороги жизни, водных навигаций и ледовых трасс. Будем помнить всегда. А тогда... Страх, голод, быстро наступившие холода, бомбежки и обстрелы. И бегство — дальше, дальше от молниеносно наступавшего врага.

В последние дни августа 1941 года под холодным нескончаемым дождем бросили мы с мамой и бабушкой свой дом в Поповке, спрятались под платформой на вокзале. Продрогшие безнадежно ждали какого-нибудь запоздавшего транспорта. Не смолкала канонада — немцы были уже под Любанью.

Под платформой — несколько женщин с детьми. Надежды уехать в Ленинград почти нет. Я не плачу, только вздрагиваю при каждом взрыве и крепче прижимаюсь к маме. Мне кажется, она спасет меня и бабушку. Она смелая, сильная, геолог. Я помню, как попали мы в шторм на Амуре на меленьком катере. А мама шептала мне: «Не бойся, он у нас крепкий, как броненосец. А темно... так зато акулы не увидят». Были ли в Амуре акулы... Но живы мы остались. И я думала — это моя мама так всем велела — и волнам, и ветру, и акулам. С ней ничего не страшно.

Вот и тогда под платформой под свист и грохот снарядов она шептала мне: «Не бойся, снаряд не знает, где мы прячемся, и не найдет нас.»

Чудо случилось — откуда-то появился бронепоезд с прицепной платформой, а на ней — зенитки и солдаты. На минутку он остановился, солдаты за шиворот втащили нас на платформу, и мы понеслись. Я лежала на полу, мама и бабушка — на мне. Немецкие самолеты обстреливали поезд с бреющего. Тут уж никакие уговоры не помогали. Страх, страх...

Дровяная улица, рядом с Обводным каналом. После страшной бомбежки горят Бадаевские склады. Едкий дым щиплет глаза, нечем дышать. Он проник даже в бомбоубежище. Дом сотрясается от взрывов, повылетали окна и двери. Переезжаем к родственникам на улицу Рубинштейна в Толстовский дом. Здесь тоже нет ни электричества, ни воды. Вся «коммуналка» живет на «барской» кухне. Плиту топим книгами, мебелью. Едим студень из столярного клея.

Наконец, мы во Всеволожской, у второй бабушки. Здесь лучше — топим русскую печку, елки, сосны спасают от цинги. Отец на фронте, мама — в госпитале. Я потихоньку умираю. Но не уезжали, ждали весточки от отца.

В начале апреля решили эвакуироваться. Лёд на Ладоге подтаял, трещит и полыньи не видно. Едем тихо, на ощупь. И вдруг одно переднее колесо начинает проваливаться, машина медленно оседает. В отчаянии все выпрыгивают в ледяную воду. Мама с нечеловеческой силой, стоя по пояс в воде, одной рукой держит меня, шестилетнюю, другой — бабушку. Тихо, тихо пятится назад от полыньи. На помощь приходят люди из машин, идущих за нами. Не помню, все ли спаслись. Одежда окрепла от льда, и было как-то всё равно.

Наконец мы в Кобоне, дальше — в Жихарево. Дали по полной миске каши с маслом. Но от двух ложек раздувается живот, больно. Есть мама не дает, несмотря на все мои горькие слезы, — я должна жить.

Дальше — долгий путь в товарняках в Ивановскую область. Дистрофики-ленинградцы умирали один за другим. Их спасла Ладога, пощадил некрепкий весенний лёд, но не было у кого-то любящей и суровой маминой руки рядом. Никогда всего этого не забыть, как и тысячи тех, кого навеки приняла в свои воды наша Ладога.

Мама, родная, ты спасла меня тогда. Ты и Ладога, ледовая Дорога жизни. Вы дали мне целую жизнь. И моему сыну, и внуку. Я счастлива, что всю жизнь ты была рядом. И как горько, когда вот уж 15 лет нет тебя со мной. Потерять мать и ребенка — нет большего горя на земле. И нет большего подвига, чем подвиг женщины-матери. Нет большего праздника, когда жива твоя мама в день её рождения. И нет темнее дня, когда ты теряешь её, становясь сиротой в любом возрасте. Но жизнь продолжается...

**Материалы подготовила
Татьяна ЗАХАРОВА**